Марина Балина

Детство как прием: стратегии и практики авто/биографического письма (на материале русской литературы 20-го и 21-го века)

“Детство кончилось. Очень жаль, что всю прелесть детства мы начинаем понимать, когда делаемся взрослыми. В детстве все было другим. Светлыми и чистыми глазами мы смотрели на мир, и все нам казалось более ярким” – писал в своих воспоминаниях о “дальних годах” своего взросления Константин Паустовский, один из последних романтиков постреволюционной эпохи (Паустовский 1957: 89). Ностальгическое обращение ко времени собственного детства и юности свойственно не одному автору *Повести о жизни*. В России автобиографические ‘буьмы’ на рубеже эпох – будь то 1920-е годы, когда происходило переосмысление целого пласта российской истории, или же ‘оттепельные’ перемены конца 1950-х – начала 1960-х, как впрочем и бурные разрывы с советским прошлым 1990-х и 2000-х годов – все эти исторические катаклизмы стимулировали обращение к собственной судьбе, к самым

ее истокам, т.е. к детству как к периоду становления личности в рамках событий частной человеческой жизни¹.

Ричард Коэ, американский литературовед, несомненной заслугой которого является анализ и описание автобиографического детства как самостоятельного литературного жанра, выделял две важные и тем не менее противоречивые составные этого нарратива: желание посвятить читателя в самые мелкие подробности мира детства, подчеркнув тем самым аутентичность этого замкнутого на личном опыте пространства (*trivia*) и попытку вписать собственный детский опыт в рамки исторического времени, происходящего за пределами детской жизни (*curiosa*).

¹ Более подробно о разных моделях детских воспоминаний см. Marina Balina, *Crafting the Self: Narratives of Prerevolutionary Childhood in Soviet Literature*, (Balina 2008a: 91-113), а также Марина Балина, *Опыт детства как преодоление прошлого* (Балина 2014).

Отношения между *trivia* и *curiosa* не всегда равноценны и часто “время большой жизни” (то, что Коэ называет *greater World*) перевешивает и подавляет тривиальные подробности детской жизни, обладающие непреходящей ценностью для автора (Сое 238-239). Естественным становится желание обособить собственную память и отделить ее от коллективной памяти истории. Обращение к личной памяти превращается в поступок, в действие, позволяющее через призму детства подойти вплотную к экзистенциальным проблемам, важным для авто / биографического дискурса. Воспоминания о детстве иллюстрируют становление собственной идентичности, что самым невероятным образом происходит как при вскрытии лакун памяти, так и при сознательном блокировании травматических переживаний детства (“амнезии детства” по Фрейду)².

Предлагаемая читателям журнала «*AvtobiografiЯ*» подборка статей посвящена теме детства в авто / биографических нарративах двадцатого и

² См. Marina Balina 20086 *Wounded Narratives: Jewish Childhood Recollections in Post-Soviet Autobiographical Discourse*, 15-27.

двадцать первого века. Только в последнее десятилетие публикации многочисленных воспоминаний о советском детстве в самых разных его вариантах – от счастливого пионерского детства до болезненных воспоминаний о детских травмах, лишь маргинально связанных с советским образом жизни – позволяют задать вопрос о жанровых особенностях ‘детских’ нарративов, об общих приемах и о традициях такого автобиографического письма³. В некоторых моих работах я пыталась проанализировать общие стратегии воспоминаний о детстве: я писала о столкновении двух моделей детства, прочно вошедших в реестр автобиографической прозы – толстовской модели

³ См. Т. Вирта, *Родом из Переделкино. Чуковский, Кассиль, Пастернак, Фадеев, Евтушенко, Вознесенский и другие знаменитые соседи*, Астрель, М., 2012; И. Ефимов, *Таврический сад*, Самокат, М., Серия “Родная речь”, 2012; Е. Короткова-Гроссман, *Воспоминания. Рассказы без вымысла*, Новый Хронограф, М., Серия “От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах”, 2014; В. Пшеницына, *Гоголевский 15*, Возвращение, М., 2012; Л. Титова, *Записки ленинградской девочки*, Крафт, М., 2015; В. Трелина, *Жила-была девочка. Повесть о детстве, прошедшем в СССР*, Астрель – СПб, М., Спб., 2011.

дворянского детства как “счастливой поры” и “тяжелого” детства Марксима Горького⁴. Столкновение этих двух доминирующих моделей дало самые разные инварианты, широко используемые в советской и пост-советской литературе. Однако, многие вопросы, связанные со спецификой такого автобиографического письма, не исчерпываются бинарным противостоянием этих двух моделей. ‘Детские’ тексты позволяют по-новому взглянуть на традиционное для автобиографического повествования разделение на *автора-в-тексте* и *автора текста*. Современный немецкий психолог Детлиф Адерхолд утверждает, что воспоминания о детстве существуют одновременно в двух измерениях и исключают мобильность автобиографического ‘я’: описание события детства происходит всегда с позиций современности. В прошлое отправляется автор сегодняшний и эмоции, сопровождающие такой экскурс, всегда современны, так как фиксируются автором в настоящий период его жизни (Aderhold

⁴ Впервые в западных текстах такие модели были рассмотрены американским славистом Андрю Вахтелем. См. Wachtel 1990.

2004: 7). Таким образом, авторское ‘я’ оказывается по условиям самого жанра расщепленным и для ‘детского’ нарратива необходимы свои стратегии, которые требуют существования двух авторских начал – вспоминающего и комментирующего. В своей статье Лариса Рудова наглядно демонстрирует, как техника “cross-writing” (перекрестное письмо) позволяет и оправдывает существование подобного двухголосья внутри монолитного текста рассказа. Об использовании похожего приема, но на материале документального кино, пишет Наталья Климова. Рассказ о детстве Антона Харитоновна, подростка, страдающего аутизмом – это еще и рассказ о болезненном процессе поиска собственной идентичности режиссера фильма, Любови Аркус. По-иному решается подобная дилемма у такого автора, как Наталья Нусинова (см. статью Анны Артвинской). Здесь автор работает скорее в режиме *autofiction*, когда фактический материал организуется по литературной парадигме: сохранение имени главной героини совсем не означает

ее идентичность с автором (Левина-Паркер 2010: 12)⁵.

Воспоминания о детстве совсем не предусматривают линейности нарратива. Так, Михаэль Фритше пишет об особой эпизодичности ‘детских’ текстов, когда авторы сознательно обращаются к отдельным событиям, совсем не стремясь при этом создать полную картину собственного детства. Такой выбор может быть стимулирован как желанием акцентировать внимание на счастливых моментах, так и на фиксации собственной беспомощности и обиды (Fritsche 1992: 27). В статье Марии Майофис и в опубликованных в этом выпуске воспоминаниях ее деда, Бориса Вульфовича Броннера, показано, как из эпизодов – детских воспоминаний маленького мальчика о деятелях культуры 1920-х – 1930-х годов создается некий *locus amoenus* – райский сад “приватной стороны истории культуры” (М. Майофис). Такой выбор становится сознательной стратегией мемуари-

⁵ “Девочка Наташа – это и я, и не я” – как утверждает Нусинова. (Из переписки с автором, Натальей Нусиновой). Подробно о приемах autofiction см. Левина-Паркер 2010, особенно ее дискуссию о Венсане Колонне и Серже Дубровском (11-14).

ста, так как позволяет восстановить память о счастливом детстве, не затронув при этом собственную травму – арест и гибель отца в сталинские репрессии. Любопытно, что такая ‘стратегия эпизода’ становится излюбленным приемом обращения к памяти детства в авторской песне (статья Бартоша Осевича). Сам жанр заранее обуславливает эпизодичность воспоминания, выхваченность конкретного образа (Арбат) или предмета (велосипед) из общей картины детства. Но как и в текстах Броннера эпизод оказывается ‘разомкнутым’ на мир *curiosa* – пространство истории, выходящей далеко за пределы только одного детства.

Мир детства вплотную соприкасается с мифом о детстве в статьях Ольги Крюковой и Натальи Семеновой. Описание запахов, сопровождающих детство Максима Горького, становится приемом, с помощью которого создается миф тяжелого детства, доминирующий горьковский нарратив. Непосредственность детских воспоминаний должна была бы быть подкреплена сенсорной сферой памяти, но именно это переживание оказывается под контролем надтекстовой идеологической заданности,

для которой создание мифа важнее хрупкого баланса между правдой и вымыслом в автобиографической прозе. К мифу о Пушкине обращается при создании пьесы о его детстве Андрей Платонов (см. статью Натальи Семеновой), однако неприятие идеологизованной мифологии приводит к попытке отойти от установившегося канона детства 'великих'. Конфликт между *trivia* – непосредственностью детского опыта – и *curiosa* – в данном случае, установившийся доминантой официальной истории – решается Платоновым в пользу уникальности детства поэта. Статьи, вошедшие в этот выпуск журнала, затрагивают самые разные стороны 'детского' текста и ставят своей задачей обсудить индивидуальные практики авто / биографического письма. Кроме того, предлагаемые читате-

лям статьи, позволяют несколько расширить само пространство 'детского' текста и включить в него помимо примеров из литературы (Лариса Рудова, Анна Артвинска, Ольга Крюкова) документальный кинотекст (Наталья Климова), авторскую песню (Бартош Осевич), любительские воспоминания (Мария Майофис) и, наконец, сценическое воплощение чужого детства, напрямую отразившее всю сложность авторской позиции А. Платонова (Наталья Семенова). Затронутые авторами статей вопросы жанровой специфики позволяют продолжить дискуссию о функции 'детства' как особого жанра в реестре авто / биографических нарративов и, в более широком смысле, его месте в корпусе текстов современной литературы.

Библиография

Балина 2014: М. Балина, *Опыт детства как преодоление прошлого в современной автобиографической прозе*, «AutobiografiЯ», 2014, III, с. 185-213.

Левина-Паркер 2010: М. Левина-Паркер, *Введение в самосочинение: autofiction*, «Новое литературное обозрение», 2010, СIII, с. 12-40.

Паустовский 1957: К. Паустовский. *Собрание сочинений*, Художественная литература, М., Т. 3, 1957.

Aderhold 2004: D. E. Aderhold, *Stabilität und Veränderung von Kindheitserinnerungen*, Universität Potsdam, Potsdam, 2004.

Balina 2003: M. Balina, *The Tale of Bygone Years: Memoirs in Soviet and Post-Soviet Literature*, in B. Holmgren, (ed.), *The Russian Memoir: History and Literature*, Northwestern University Press, Evanston (Illinois), 2003, pp. 186-211.

Balina 2008a: M. Balina, *Crafting the Self: Narratives of Prerevolutionary Childhood in Soviet Literature* in M. Balina, L. Rudova (eds.), *Russian Children's Literature and Culture*, Routledge, New York/London, 2008, pp. 91-113.

Balina 2008b: M. Balina, *Wounded Narratives: Jewish Childhood Recollections in Post-Soviet Autobiographical Discourse* in J. Lindbach (ed.), *The Poetics of Memory*, Lund University Press, Lund, 2008, pp. 15-25.

Coe 1984: R. N. Coe, *When the Grass Was Taller. Autobiography and the Experience of Childhood*, Yale University Press, New Haven and London, 1984.

Fritsche 1992: M. Fritsche (hrsg.), *Besonnte Kindheit und Jugend? Autobiographische Texte aus verschiedenen Kulturen*, University of Oldenburg, Oldenburg, 1992.

Wachtel 1990: A. B. Wachtel, *The Battle for Childhood: Creation of a Russian Myth*, Stanford University Press, Stanford, 1990.